Затем, безжалостно, подпитываемая огнем кипящим у меня в животе, я нанесла последний удар.

- Если так происходит каждый раз, когда случается что-то плохое, и ты ничего не можешь с этим поделать, то с таким же успехом у меня вообще могло не быть отца! Возможно, так было бы лучше!

Я сразу поняла, что это было слишком, что мне не следовало так говорить, но было уже слишком поздно брать свои слова обратно. Это слова, предназначенные, чтобы ранить, и ранить сильно, произнесенные с самой глубокой, мрачной жестокостью в моем сердце. Даже если чувства, стоящие за ними, были настоящими, необузданными и полностью моими, я никогда не хотела по-настоящему озвучивать их.

Это был взгляд испуганной боли, который сумел немного остудить мой гнев или, по крайней мере, вывести меня из него настолько, чтобы я точно поняла сказанное. Целую вечность, сжатую в несколько секунд, мы просто смотрели друг на друга, губы папы шевелились, но он ничего не говорил, а на моих щеках остались холодные дорожки от слез.

Затем появилось чувство вины, за ним быстро последовал ужас перед самой собой, и внезапно этот пикап оказался слишком тесным и маленьким. Мне нужно выбраться, скрыться, оказаться где-нибудь, где угодно, в другом месте, где стены не такие плотные.

Дверь открылась еще до того, как я успела подумать, что собираюсь сделать, затем я соскользнул со своего сиденья на подъездную дорожку.

- Тейлор! - услышала я, как папа крикнул меня вслед, но я проигнорировала его.

Вместо этого я бросилась в дом, перепрыгивая через каждую ступеньку на своем пути, пока добиралась до своей комнаты. Я не потрудилась переодеться или броситься на кровать; я схватила свой рюкзак и маленький черный кейс, затем высыпала содержимое сумки на матрас, не обращая внимания, как беспорядочно приземлились все мои книги и бумаги, и засунула этот черный кейс в свою сумку.

Может быть, если бы я мыслила более ясно, я бы всё сделала по-другому. Может быть, я бы захватила что-нибудь перекусить или, может быть, схватила бы маленький клочок бумаги с номером телефона Лизы. Может быть, если бы я все еще не осознавала, что София была Теневым Сталкером, если бы только что не накричала на папу, если бы это не стало краеугольным камнем двухлетнего ада, я бы, возможно, осталась и просто поговорила по-человечески.

Но я этого не сделала. В ту минуту, когда моя сумка застегнулась на молнию и перекинулась через плечи, я снова выскочила из своей комнаты и бросилась к задней двери.

- Тейлор! - снова позвал папа, и я услышала, как хлопнула входная дверь, когда он вошел внутрь. - Тейлор, постой!

Я не слушала. Я не хотела слушать. Даже если я сказала лишнее, это не означало, что я не имела это в виду, что где-то внутри меня, какая-то часть меня не вопила каждое слово снова и снова.

Я просто… не могла быть тут прямо сейчас. Не здесь, не с папой.

Через несколько секунд я выскочила через заднюю дверь, а потом бросилась бежать — куда,

понятия не имела, просто не дома и не с папой. Мои ноги несли меня вперед без какой-либо помощи со стороны головы, и даже когда мои легкие начали гореть, а мышцы болеть, я продолжала идти. Пробежка каждое утро с января, вероятно, помогла мне с этим.

К тому времени, когда я наконец остановилась, я снова оказалась в центре города. Улицы были в основном пусты, с несколькими прохожими тут и там, которые, вероятно, возвращались на работу после обеденного перерыва, и большинство зданий вокруг меня были невысокими, одно-двухэтажными, служа домом ресторанам быстрого питания и небольшим агентствам недвижимости. Тут и там виднелось несколько офисных зданий, но ничего похожего на здание Медхолла.

Несколько мгновений я просто тупо стояла там, тяжело дыша и обливаясь потом, пока моё бешено колотящееся сердце замедлялось, и почувствовала себя потерянной.

Но у меня было смутное представление, что я делаю. Может быть, я точно не планировала это или что-то в этом роде, даже не удосужилась подумать, куда я собираюсь отправится, но у меня, по крайней мере, было представление, что я буду делать, когда доберусь туда.

Итак, я нашла ближайший заброшенный переулок, подождала, пока не убедилась, что за мной никто не наблюдает, затем подбежала к нему и нырнула за мусорный контейнер. Мгновение спустя я была в своей базовой форме Излома, костюме и всём остальном, с сумкой на плечах, и использовала свою возросшую силу, чтобы запрыгнуть на ближайшую крышу.

Гравий мягко захрустел у меня под ногами при приземлении, и когда я огляделась, наверху оказалось не так уж много всего: приподнятая узкая конструкция с дверью, которая, вероятно, вела обратно в цех или что там еще было подо мной, несколько труб, извергавших пар, вероятно, из печи, и приземистая, квадратная штука, которая, вероятно, являлась центром электропитания.

Я подошла к приподнятому сооружению, сняла с плеч сумку, затем уронила её вниз и прислонилась к нему спиной. Я уронила голову на руки, если бы не маска и линзы, я бы прижала тыльные стороны ладоней к глазам.

Это было так чертовски глупо. Ну и что, что папа был не самым обаятельным отцом с тех пор, как умерла мама. Ну и что, что большую часть времени он был не слишком полезен и ничего не мог поделать с моими проблемами. Ну и что, что я чувствовала себя потерянной, разочарованной и одинокой, потому что он не смог пережить смерть мамы. Ну и что, что он с головой ушел в свою работу, чтобы попытаться справиться со всем этим. Ни одна из этих вещей не позволяла мне бросить всё это ему в лицо, как будто он высадил меня на углу улицы и сказал разбираться самой.

В конце концов, папа не единственный, кто развалился на части. Сама такая же. Мне становилось лучше, пока Эмма не превратилась в настоящую стерву. Я… не сказать сдюживала, но справлялась. Выживала. По одному дню за раз. На самом деле это не сильно отличалось от папы. Просто… для меня всё стало еще дерьмовее из-за Эммы и Трио, а мы с папой… когда дошло до дела, у нас просто не было того веса, которым можно было бы размахивать и доводить дело до конца.

Папа не смог уговорить город возобновить работу парома. Папа не мог поднять тот же вес, что и Алан Барнс. Что касается меня, то я была недостаточно популярна, или достаточно красива, или достаточно богата, чтобы быть чем-то большим, чем просто пятнышком на радаре для сотрудников Уинслоу и их нижней линии.

Просто… черт возьми, как бы мне хотелось, чтобы мама была жива. Казалось, она всегда знала, что делать.

Я потянулась к своему рюкзаку и расстегнула его, вытаскивая черный кейс. Затем я уронила сумку и открыла кейс, и там, аккуратно разложенная на трех разных частях, идеально вставленная в специально отформованные для нее пазы, лежала флейта моей матери.

Потребовалось много усилий, чтобы вернуть её обратно, пара действий, которые, как я была совершенно уверена, были незаконными в той или иной форме, но мне было всё равно, так как он был украден из моего шкафчика с самого начала. Как только я украла его обратно из тайника, куда его спрятала София, мне пришлось поработать неделю по несколько часов, чтобы вернуть его в первоначальное, незапятнанное состояние, но в конце концов я вернула его таким, каким он был, когда был украден.

Возможно, это невероятно обыденное использование сил, для чего-то что может подчинять ткань реальности моей воле, но из всего, что я делала до сих пор, за это я больше всего благодарна магии Медеи.

И, конечно, как только она снова вернулась в прежнее состояние, я пошла дальше и зачаровала его, чтобы он был небьющимся, нержавеющим и вечно чистым… К ней было добавлено полдюжины различных свойств, просто чтобы быть уверенными, что Эмма и София никогда больше не смогут его испортить. На самом деле, он, вероятно, сохранит своё состояние и переживет не только меня, но и сам Броктон-Бей.

Вечный сувенир в память о моей покойной матери. Это меня вполне устраивало.

Я соединила части вместе с отработанной эффективностью. Когда закончила, я держала сверкающую серебряную флейту как один длинный предмет, протянувшийся поперек моих скрещенных ног от колена до колена.

Но я пока не могла начать. Не хватало одной вещи.

http://tl.rulate.ru/book/85742/3158087